

УДК 903.26 + 291.212.6

В. И. Ташак¹, Ю. Е. Антонова²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия

² Музей Бурятского научного центра СО РАН
ул. Сахьяновой, 8, Улан-Удэ, 670047, Россия
E-mail: yulya_an@mail.ru

К ВОПРОСУ О ДОБЫЧЕ ОГНЯ И ЕГО КУЛЬТЕ В ПАЛЕОЛИТЕ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ *

Материалы местонахождений переходного периода от среднего палеолита к верхнему и раннему верхнему палеолиту на территории Западного Забайкалья демонстрируют яркие изделия, относящиеся к символической деятельности древнего населения и позволяющие говорить о наличии сложной системы культовых представлений. Одним из наиболее выразительных культов можно считать культ очага, зафиксированный на древнем поселении Подзвонкая, и связанный с ним обряд прекращения функционирования очага. Вместе с тем на местонахождениях Барун-Алан-1 и Подзвонкая выделяется ряд предметов – галек с округлым углублением-лункой и следами охры на поверхности, найденных либо в непосредственной близости от очагов, либо в своеобразных «тайниках». В предлагаемой статье приводятся описание и интерпретация этих изделий, которые, исходя из данных этнографии, могли использоваться как упоры при добыче огня лучковым сверлением.

Ключевые слова: палеолит, Западное Забайкалье, культ огня, добыча огня, каменные упоры.

Исследование палеолита в Западном Забайкалье начиналось в конце XIX в. Тогда только производились первые сборы древних артефактов, и палеолитические материалы не выделялись из общей массы находок каменного века [Мостиц, 1896]. Но уже в то время было сделано заключение, что забайкальские находки каменного века выглядят примитивнее европейских не в силу их большой древности, а по причине отсталости в развитии древнего человека Забайкалья. Кроме этого ставилось под сомнение и существование искусства у забайкальского населения каменного века [Птицын, 1896. С. 107].

К концу XX в. в Забайкалье было выявлено несколько десятков местонахождений, датируемых не только поздними этапами верхнего палеолита, но и временем перехода от среднего к верхнему палеолиту. В культурных горизонтах некоторых из них обна-

ружены, наряду с предметами материальной культуры, свидетельства символической деятельности палеолитического населения: мелкая пластика (скульптурное изображение), камни и кости с гравировкой на поверхности, подвески, бусины и пр. В тех палеолитических местонахождениях, где оставленные в древности уровни обитания сохранились с неразрушенными или частично поврежденными, но «читаемыми» структурными элементами, видно, что многие из этих артефактов находились в непосредственной близости от очагов. Этот факт показывает, что очаги в палеолитических стоянках выступали как центры, вокруг которых осуществлялась различная хозяйственная деятельность. В ходе экспедиционных исследований палеолитических памятников на юге Западного Забайкалья такие очаги были обнаружены в многослойной стоянке финального палеолита (или ме-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 11-06-00374а).

золита по всем морфотипологическим и технологическим показателям артефактного набора) – Усть-Кяхта-17 [Ташак, 1993] и крупном поселении раннего этапа верхнего палеолита – Подзвонкая [Ташак, 1996]. Детальное изучение конструкций самих очагов и сопровождающих их элементов, наблюдение за микростратиграфией разрезов этих объектов, а также планиграфический анализ находок, обнаруженных в них и на периферии, позволили сделать выводы об определенной обрядовой деятельности, сопровождавшей прекращение функционирования очага на древнем поселении Подзвонкая [Ташак, 2003; 2011]. В дальнейшем, исходя из полученного опыта работы с подобными конструктивными элементами древнего поселения Подзвонкая, удалось реконструировать центральное положение очага 4-го культурного горизонта Усть-Кяхты-17 в дуальном разделении мира на мужское и женское начало у населения Забайкалья в финале верхнего палеолита [Ташак, Антонова, 2009].

Изучение таких конструкций на Подзвонкой показало, что обряды, связанные с прекращением их функционирования, включали в себя ряд процедур, не имеющих никаких видимых связей с действиями бытового утилитарного назначения. К ним относится «закрывание» очага – крупные скальные обломки помещались или в центр конструкции, или ими полностью накрывалось углубление, в котором горел огонь. Следующая деталь, характеризующая обрядовую деятельность, связанную с очагами как структурными элементами древнего поселения, – это помещение в ряде случаев в зону прокала фрагментов костяков животных, сохранявших анатомически правильное взаиморасположение, т. е. с мясом, а также лопаток животных. Наряду с этим здесь найдены ребро с насечками, костяное острие из грифельной кости, застрявшее в пробитой им лопатке, и различные камни со следами охры на поверхности. Последняя категория находок разнообразна – это и крупные плоские, и многогранные камни (окатанные в реке), и их прямоугольные фрагменты. Следует подчеркнуть, что Подзвонкая – это археологический объект, связанный с подгорными шлейфами склонового генезиса и расположенный от 15 до 35 м выше дна речной долины. Данная ситуация предполагает, что все окатанные камни

(гальки различного размера и формы) оказались на площади памятника исключительно в связи с деятельностью человека. Среди подобных находок, в том числе и в очагах, на поверхности которых сохранились следы охры, оказалась крупная угловатая галька, интерпретированная как отбойник. Но предложенная интерпретация была рабочей, поскольку артефакт имеет несколько выразительных элементов, выделяющих его из разряда обычных отбойников.

Эта находка была дополнена новыми, сделанными уже на другом палеолитическом памятнике, расположенном в 300 км на северо-восток от Подзвонкой – Барун-Алан-1. Некоторые черты самих артефактов, а также особенности их нахождения в культурных горизонтах способствовали выработке другого мнения о назначении данных предметов, отличного от того, что это простые отбойники. Характеристика артефактов и интерпретация их назначения и роли в жизни палеолитического населения Забайкалья предлагаются в данной статье.

Палеолитическое поселение Подзвонкая расположено на востоке Кяхтинского района Республики Бурятия, в 7 км юго-юго-западнее с. Тамир, в глубине амфитеатрообразного распадка в юго-западных отрогах Тамирского хребта, входящего в систему Малханского хребта. Распадок широким устьем выходит к левобережной пойме небольшой горно-долинной речки Тамир. У подножия горы на протяжении 200 м выявлено четыре пункта локальной концентрации палеолитических материалов. Каждый из этих пунктов может быть рассмотрен как отдельный археологический объект. В рамках местонахождения Подзвонкая они названы комплексами с присвоением отдельных наименований: Восточный, Юго-Восточный, Западный и Нижний. Очаги в наилучшей сохранности, позволяющей детально изучать их конструкцию и структуру, сохранились в Восточном комплексе. Все очаги находятся в 3-м культурном горизонте, датированном в диапазоне от 37 до 39 тыс. л. н. [Ташак, 2000].

Рассматриваемое изделие находилось в среднем уровне очага № 4 Восточного комплекса. Артефакт представляет собой угловатый мелкозернистый камень с окатанной в реке поверхностью, разделенной сглаженными ребрами на 5 плоских граней (рис. 1). Все ребра камня несут следы легкой забито-

сти и интенсивной затертости. На четырех гранях из пяти находятся углубления. Одно из них глубокое, продолговатой конфигурации, явно выбито. Второе представляет собой не компактное углубление, а три глубоких и коротких линии, образующих зигзаг, который занимает всю поверхность небольшой грани. Наибольший интерес представляют две широкие грани с четко выраженными плоскими поверхностями. Примерно в центре каждой плоскости также находится по углублению. Они отличаются от предыдущих – это неглубокие со сглаженными краями ямки, образованные мелкой выбивкой, следы которой сглажены. Весь камень был покрыт охрой, а грань с зигзагом, лежащая на углистом слое, оказалась окрашенной в черный цвет. Одна из граней была обильно покрыта охрой, которая впиталась в поверхность камня и сохраняется после очистки от остатков грунта. Охрой «пропитана» и поверхность мелкого углубления в центре плоскости.

Как уже указывалось, камень с поверхностью, покрытой охрой, намеренно был помещен в центр очажной ямы и сам факт его нахождения там представляет материальную часть обряда, направленного на очаги [Ташак, 2003; 2011]. Оставались открытыми вопросы: почему именно этот камень и каково его назначение (другие отбойники не несли на поверхности следов охры и углублений и не оказывались в очагах)? Возвращение к этим вопросам стало воз-

можным через десять лет после новых находок.

Следующее изделие, во многом напоминающее находку из очага № 4 Подзвонкой, было обнаружено в уровне 7г 7-го литологического слоя многослойного археологического памятника Барун-Алан-1. Он расположен в 6 км на северо-запад от западной окраины с. Алан, на выположенной площадке у южного подножия скальной стенки на западном склоне горы Хэнгэрэктэ, массив которой составляет южную оконечность отрогов хребта Хомские Гольцы. Небольшой хребет Хомские Гольцы входит в систему крупного забайкальского хребта Улан-Бургасы. Высота местонахождения над уровнем речки Алан, к долине которой спускаются горные склоны – 80–100 м при крутизне подъема от поймы к площадке 20–30° [Ташак, 2009а].

Уровень 7г залегает более чем на метр ниже поверхности 7-го литологического слоя, датированной радиоуглеродным методом около 40 тыс. л. н. [Ташак, 2009б]. Изделие было найдено рядом с очагом, сильно поврежденным норными ходами грызунов, что делает затруднительным установление точной взаимосвязи изделия с ним. Тем не менее подобное расположение находки показывает, что такая связь существовала.

Внешне предмет из Барун-Алана-1 напоминает уже известный артефакт из Подзвонкой – это угловатая галька с тремя обширными гранями и несколькими мелкими,

Рис. 1 (фото). Каменное изделие с углублениями (упор) с местонахождения Подзвонкая

Рис. 2 (фото). Каменное изделие с углублениями (упор) угловатой формы с местонахождения Барун-Алан-1

разделенными сильно заглаженными ребрами (рис. 2). В центре широкой плоскости с одной стороны камня располагается небольшое углубление диаметром около 15 мм с заглаженными краями и поверхностью, глубина лунки от 1 до 1,5 мм. Все остальные грани – на противоположной выпуклой стороне. Здесь, на одной из плоскостей, также имеется углубление диаметром около 15 мм и глубиной 1,5–2 мм. На другой грани, где сгруппировано немногим более десятка мелких выбоин, углубление только намечено. Обе грани и лунки на них расположены симметрично и под углом друг к другу. По периметру уплощенной гальки отмечаются компактные скопления выбоин – участки забитости, что не противоречит определению данного артефакта как отбойника. Но кроме них фиксируются места с мелкими выбоинами, причем компактные, расположенные на заглаженных реберчатых выступах, неудобных для их использования в качестве рабочей поверхности. Если все элементы выпуклой поверхности рассматривать в целом, можно наблюдать антропоморфную личину, напоминающую маску (рис. 3), где углубления на широких гранях представляют глаза, ребро, разделяющее грани – нос. Сходство с личиной-маской камню придает и его форма – почти округ-

лый, он плавно сужается на одном участке, напоминающем нижнюю часть лица. Здесь сосредоточена серия мелких выбоин, обозначивших рот. В интерпретации этих выбоин как рта интересна форма – это маленькая окружность диаметром 15 мм, в центре которой сохранилась галечная корка. Если бы камень использовался как простой отбойник, то именно центр – самая выступающая часть, был бы выбит. Выше «рта», но ниже «глаз», на ребре, разделяющем грани, выбита небольшая поперечная полоска, обозначающая нижнюю границу носа. «Ребро-нос» от верхнего уровня «глаз» плавно изгибается и проходит над четким углублением, обозначая бровь. Это сходство с бровью усилено серией мелких выбоин, вытянувшихся в линию по вершине ребра.

Таким образом, выпуклая сторона гальки несет на себе знаковую нагрузку, представляющую антропоморфный образ, и, исходя из этого, данный артефакт может быть отнесен к сфере духовной деятельности людей палеолита. С учетом обнаруженной недалеко от этого же разрушенного очага халцедоновой конкреции, на которой несколько естественных выступов создают антропоморфный образ [Ташак, 2009в], это уже вторая находка подобного рода. При этом в отличие от халцедоновой «личины» антро-

поморфное изображение на рассматриваемом артефакте создано намеренно, а сам артефакт нес не только семантическую нагрузку, но и утилитарную.

Возвращаясь к характеристике изделия, следует подчеркнуть, что широкая грань на плоской стороне камня была со следами охры до очистки его от остатков грунта. Эта поверхность и сейчас выглядит темно-красной на камне красноватого цвета.

Третье изделие, которое представлено в данной работе, обнаружено также в раскопе Барун-Алана-1, в слое 8. Артефакт лежал под краем огромной каменной плиты, когда-то возвышавшейся над горизонтами обитания (рис. 4). На момент обитания здесь людей, оставивших изделие, край каменной плиты нависал над поверхностью земли, образуя своеобразную нишу, служившую кладовкой-тайником. В настоящее время можно наблюдать подобные примеры: над поверхностью склонов и подгорных шлейфов возвышаются края каменных плит, образуя такие же ниши, которые использовались древними людьми для организации кладовок (рис. 5).

Артефакт представляет собой камень почти идеально округлый (есть краевой вы-

ступ, идентичный выступу у предыдущей находки) и слегка сплюснутый (рис. 6). Предмет окатан в реке, и помимо этого на его поверхности отмечаются участки с затертостями. Выраженных граней и ребер на нем нет, но отмечается одна плоская сторона, как и на предыдущей находке. В центре этой плоскости расположена лунка диаметром около 15 мм со сглаженными краями и заглаженными следами выбоин. Прямо с противоположной (выпуклой) стороны – несколько крупных выбоин, но они не образуют цельного углубления. По краю окружности артефакта наблюдаются выбоины, которые скрадываются пористой структурой камня (базальт). В порах на его поверхности, особенно там, где наблюдаются затертости, сохранились следы минерального красителя – охры.

Все три находки не мелкие, но по размерам подходят для удерживания их одной рукой таким образом, чтобы плоская сторона с углублением оставалась свободной.

Переходя к интерпретации утилитарного назначения данных артефактов, следует подчеркнуть, что все они были найдены в особых местах: Подзвонкая – прямо в очаге; первый камень Барун-Алана-1 – рядом с очагом,

Рис. 3 (фото). Изображение «личины» на лицевой стороне каменного упора угловатой формы с местонахождения Барун-Алан-1 (без масштаба)

Рис. 4 (фото). Положение каменного упора в тайнике под плитой на местонахождении Барун-Алан-1

Рис. 5 (фото). Скальная плита с нишей под краем, нависающим над поверхностью земли на склоне горы Хэнгэрэктэ

Рис. 6 (фото). Каменное изделие с углублением (упор) округлой формы с местонахождения Барун-Алан-1

второй – в тайнике. Обычные отбойники, а в Барун-Алане-1 их несколько десятков, располагались в самых разнообразных местах, в том числе и в местах выбросов отходов расщепления каменного сырья. Еще одна черта, объединяющая характеризуемые артефакты, это следы охры на их поверхности, чего нет на всех других орудиях типа отбойников. И третья черта – это углубления на плоскостях, которых также нет на всех других типах артефактов. Основную утилитарную роль здесь играют ямки на широких гранях – плоских поверхностях. Все они расположены в центре плоскости, у них заглажены края и ребра мелких выбоин. Углубления на других гранях могут быть и без этих признаков. Если бы эти лунки были местом опоры для расщепляемых предметов, то, вероятно, их края и края микровыбоин оставались бы без следов заглаженности. Следовательно, углубления делались мелкой выбивкой, но использовались как-то иначе. Их затертость предполагает, что здесь на поверхность воздействовали трением, но не целенаправленно, т. е. они являлись частью производственного комплекса, в рамках которого подвергались износу в ограниченной зоне. Но предмет, на кото-

рый осуществлялось воздействие, был другим.

Исходя из изложенных данных, можно предполагать, что анализируемые изделия использовались как специальные упоры для удержания сверху стржня лучкового приспособления, предназначенного для добычи огня (обычно именуется и рассматривается как лучковое сверло). По этнографическим данным весь комплекс для добычи огня лучковым сверлением обычно состоял из четырех основных элементов: огневая доска, сверло – деревянный стержень, лучок – согнутая ветка с тетивой, и упор. Первые три компонента всегда выполнялись из органики, и поэтому обнаружить их в палеолитических горизонтах маловероятно. А вот упоры (в различных источниках встречаются и такие названия, как державка и накладка) изготавливались из различных материалов: дерево, кость и камень. Иногда упоры делались комбинированными – дерево и камень, кость и камень. Исходя из этого понятно, что в палеолитических местонахождениях могут сохраниться только каменные элементы всего приспособления (в исключительных случаях – деревянные компоненты).

Подтверждением такому предположению может служить то, что в Подзвонкой встречено значительное количество предметов с просверленными отверстиями: подвески из скорлупы яиц страусов, подвески из кости и камня [Ташак, 2002]. В Барун-Алане-1 найден только один предмет такого рода – округлая подвеска из мягкой породы камня, но в отличие от изделий Подзвонкой это не плоская подвеска, а колечко в форме геометрической фигуры *тор* [Ташак, 2009в]. Таким образом, где найдены камни с углублениями, найдены и свидетельства применения техники сверления. И если при просверливании скорлупы можно было обойтись простой проверткой, то для сверления камня требовалось более совершенное приспособление. Таким более совершенным способом является лучковое сверление, которое применялось и для добычи огня.

Что позволяет нам считать, что данные камни были задействованы именно в этом процессе? Во-первых, их положение в культурных горизонтах: в очаге, рядом с очагом и в тайнике. Во-вторых, все они несут на себе следы минерального красителя – охры; эти камни были не просто частью рабочего инструмента, а частью инструмента, участвующего в ритуале разжигания огня, поэтому они отмечались особо. В Подзвонкой, по всей видимости, весь набор оказался внутри очага, когда тот прекратил свое функционирование. До нас дошел только каменный упор.

Изделия с округлыми углублениями из кости и дерева часто встречаются в погребальных памятниках, датирующихся от начала эпохи раннего железного века. Они интерпретируются исследователями как упоры, используемые для добывания огня путем лучкового сверления [Митько, 2006; Дашибалов 2011; Смотровая, 1991]. По материалам погребений могильника Ноин-Ула был восстановлен полный набор для получения огня сверлением. Он состоял из деревянной дощечки, в лунках которой высверливался огонь, деревянной палочки-сверла, сужающейся к верхнему концу, лучка, выполненного из дерева или кости (ребра крупного животного), а также костяного упора-накладки сверху на сверло [Митько, 2006].

Костяные упоры, представленные в археологических материалах, достаточно разнообразны по форме. Часто для этих целей использовались астрагалы крупных животных. Такие изделия найдены в хуннских могильниках Ильмовая падь и Суджи. У них фиксируются отверстия для привязывания к дощечке для добывания огня и небольшие лунки, размерами соответствующие верхнему концу деревянного стержня-сверла [Там же]. Упоры из могильников Кудыргэ и Кокэль [Там же. С. 119–120] представляют собой небольшие округлые деревянные дощечки с коротким выступом-ручкой, в которой проделано отверстие для подвешивания. По центру круглой дощечки образована лунка для размещения верхнего конца сверла. Подобные изделия из Осинского погребения (Братское водохранилище, Прибайкалье), датированного В. И. Смотровой хуннским временем, описываются как упоры, выполненные в виде серьги «с расширенной округлой нижней частью и верхней, оформленной небольшим овальным выступом с круглым отверстием посередине. В центральной части подвески имеется высверленная ямочка со следами черного нагара от трения» [1991]. Изделия, относимые к предметам для добывания огня, представлены на территории Забайкалья и в памятниках средневекового времени. К таковым относятся упоры из курумчинской культуры. Б. Б. Дашибалов выделяет три изделия, связанных с добычей огня [2011]. Два из них имеют подтреугольную форму и углубление по центру. Одно – подпрямоугольное со слегка вогнутыми сторонами и прямоугольной петелькой с круглым отверстием. На лицевую поверхность нанесен орнамент, состоящий из геометрических фигур (квадрат, ломаные линии). По центру изготовлена круглая ямка.

В заброшенном г. Хадалыке в Восточном Туркестане был найден каменный диск с углублением в центральной части. Поверхность изделия хорошо зашлифована, и лишь на одном краю присутствуют сколы. По мнению А. Стейна, изготовленный из малахита диск являлся верхней накладкой (упором) на сверло [Митько, 2010. С. 137]. Подобные плоские камни с ямками в центре, куда упирались концы деревянных стержней огневых приборов, были зафиксированы

Г. В. Григорьевым на городище Каунчи II [1948. С. 52. Рис. 38]. В Зауралье на поселении сарматского времени у д. Зотиной К. В. Сальниковым также была обнаружена каменная накладка [1952. С. 110]. Как отмечает О. А. Митько, эти находки сделаны на поселенческих комплексах скифо-сарматского времени и, очевидно, для людей, ведущих оседлый образ жизни. Вес этого предмета домашнего обихода не имел особого значения; в отличие от мобильных скотоводов они, вероятно, предпочитали прочные и износоустойчивые, хотя и более тяжелые приспособления [Митько, 2010].

Итак, изделия, интерпретируемые как упор при добыче огня лучковым сверлением, не имеют четко фиксированной формы, изготавливаются из различных материалов. Однако объединяющим их элементом является небольшое чашевидное углубление на одной из сторон, внутри которого иногда читаются следы нагара.

Приборы для добывания огня лучковым сверлением фиксируются этнографами у разных народов. Стоит отметить, что по этнографическим данным добывание огня таким способом могло производиться как двумя-тремя людьми, так и одним человеком. У В. И. Йохельсона мы находим изображение статуэтки, которая представляет двух людей, добывающих огонь лучковым сверлением [1997. Рис. 122]. В другой работе он указывает на трех персон: один держит упор, второй – доску, третий работает непосредственно лучком [Johelson, 1908]. В. Богораз демонстрировал изображение чукчи, высверливающего огонь в одиночку [Bogoraz, 1904. Fig. 3]. У. Хью указывал, что эскимосы предпочитают участие двух человек для добывания огня: иногда огневые наборы включают не лучок как таковой, а веревку с привязанными на концах рукоятками, которая оборачивается вокруг сверла. Подобные наборы представлены в Национальном музее Соединенных Штатов [Hough, 1928. Fig. 23]. Однако наиболее интересным элементом, отличающим эскимосов от других народов, использующих такой способ добычи огня, является, по мнению У. Хью, оформление упора и способ его удержания – он вырезался из дерева, бивня, иногда использовались астрагалы. Часто

ему придавалась форма какого-либо животного (медведя, тюленя, моржа, кита), но он должен был быть удобен для держания в руке. Любопытно, что верхняя часть упора иногда вырезалась с элементом, позволяющим его удерживать ртом. В нижнюю часть этого приспособления вставляли небольшой кусочек мягкого, легко полирующегося камня, такого как мрамор или мыльный камень, в котором продельвалось углубление для удержания сверла. К выбору камня для изготовления упора или его части подходили больше с точки зрения привлекательности внешнего вида, чем антифрикционных качеств. Поэтому в основном использовались необычные камни в крапинку, мрамор, обсидиан [Ibid.].

Наблюдаются и некоторые предпочтения у северных народов в выборе сырья для изготовления упоров огневого прибора. Как уже указывалось, эскимосы сочетали дерево или кость с камнем, который использовался в качестве вставки, имеющей углубление и непосредственно соприкасающейся со сверлом. Чукчи, по сообщению В. Богораз, в большинстве своем использовали астрагалы северного оленя [Bogoraz, 1904]. В отличие от них коряжки отдавали предпочтение дереву или камню. В. И. Йохельсон следующим образом описывает упоры: «Для насадки огнивого сверла выбирается небольшой закругленный кварцевый гольш, с одной стороны которого просверливается сверлом (теперь железным) гнездо для верхней части рукоятки сверла» [1997].

Любопытно, что использование астрагалов животных в огневом наборе считается некоторыми исследователями не случайным, так как они являются «одним из древнейших ритуально-сакральных знаковых артефактов, обладающих широким семантическим полем» [Митько, 2006]. Употребление астрагалов в качестве упоров, вероятно, придает дополнительную культовую значимость именно этой детали огневого набора, и так включаемой народами севера в сферу духовного мира и ритуально-культовой практики. Остановимся на этом моменте более подробно.

С точки зрения сакрализации предметов, относящихся к добыванию огня, не случайно, видимо, большое значение придавалось их внешнему виду, и не только упору, но и

всего набора в целом, в особенности огневых досок. Этнографами зафиксировано множество ритуалов и обрядов, связанных с ними. Любопытно, что этот предмет часто оформлялся в виде человека. Антропоморфный облик фиксируется у огневых досок эскимосов [Hough, 1928], коряков [Johelson, 1908; Йохельсон, 1997], чукчей [Bogoraz, 1904; Богораз, 1939].

У коряков изделия данного рода и сопутствующие огневые приборы символизировали покровителя стада и семьи. Непосредственно огневая доска, исполненная в форме человека, расценивалась как хранитель очага, в то же время среди коряков-оленоводо-в она считается и охранителем стада, пастухом, помогающим семье защищать стадо [Johelson, 1904]. Можно предполагать, что здесь наблюдается перенос функций огня, одной из которых являлась защита от диких зверей, на предмет из огневого набора, т. е. изделие, непосредственно участвующее в процессе получения пламени, перенимает наиважнейшие его свойства, транслирует защиту на жизненно важную для коряков область – оленеводство.

Таким образом, мы наблюдаем связь предметов для добывания огня с ритуально-культурной деятельностью. Изделия из огневого набора через свою причастность к разжиганию огня и в то же время соприкосновение с огнем и очагом, которые уже находятся в области почитания, приобретают определенную сакральную нагрузку. Можно говорить о неразрывной связи огневых наборов с культом почитания огня. Это предположение может быть верно и для эпохи палеолита.

Местоположение изделий, найденных в Подзвонкой и на Барун-Алане-1, не случайно, оно соотносится с очагом и является частью обряда (Подзвонкая), или же предмет намеренно припрятан, как это видно в Барун-Алане-1. По представленным выше аналогиям гальки с вытертым углублением могут расцениваться как упоры при добывании огня сверлением. Их форма выбиралась и частично подправлялась для удобного держания в руке. Определенное значение играл и цвет артефакта – выбирались красные камни, в противном случае камень окрашивался минеральной красной краской – охрой. Красный цвет в традиционных пред-

ставлениях многих народов часто выступает как символ огня. Любопытно изображение личины на гальке красного цвета. Как показывают этнографические данные, огневым доскам часто придавали антропоморфизированный облик и более детально изображалась именно голова. По тем же данным видно, что и упоры нередко украшались орнаментом или вырезались в форме фигурок (например, у эскимосов). В человеческом обличье у многих народов предстает и непосредственно дух огня.

Подводя итоги, можно сделать два основных вывода. Первый заключается в том, что гальки с небольшим углублением расцениваются нами как упоры при добывании огня сверлением. Второй вывод относит эти изделия к предметам, тесно связанным с культом огня. Сам факт участия в разжигании огня, играющего важную роль в жизни человека, вероятно, с точки зрения людей эпохи палеолита, относил их в сферу культовой практики. Этот факт мы наблюдаем в этнографии народов Севера. Скорее всего, и сам процесс высверливания огня в эпоху палеолита сопровождался определенными обрядами, реконструировать которые на настоящий момент очень затруднительно.

Учитывая уже детально исследованный факт существования обрядов, направленных на очаг на момент прекращения его использования у населения Подзвонкой, следует констатировать, что и начало функционирования очага сопровождалось обрядовыми действиями. Кроме этого, мы можем говорить о широком распространении такой практики, поскольку детали огневых приборов найдены не только в Подзвонкой, но и в Барун-Алане-1, что на 300 км северовосточней Подзвонкой. Данный обряд имел широкое распространение и во времени – как уже указывалось, уровень 7г и слой 8 Барун-Алана-1 древнее 40 тыс. лет, а культурный горизонт Восточного комплекса Подзвонкой накапливался в диапазоне от 40 до 37–36 тыс. л. н.

В этой связи становится понятным, почему именно добыча огня трением (лучковым способом) у многих народов с традиционным образом жизни является священной и пригодной для разжигания домашнего очага. Это объясняется глубокой древностью самого способа разжигания огня.

Список литературы

- Богораз В. Г.* Чукчи П. Религия: Пер. с англ. / Под ред. Ю. П. Францова. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. 196 с.
- Григорьев Г. В.* Келесская степь в археологическом отношении (к истории культуры древних саков) // Изв. АН КазССР. Серия археологии. 1948. № 46, вып. 1. С. 47–78.
- Дашибалов Б. Б.* Древности хори-монголов: хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 174 с.
- Йохельсон В. И.* Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб.: Наука, 1997. 238 с.
- Митько О. А.* Деревянные огневые приборы в погребальных памятниках народов Сибири и Центральной Азии // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3: Археология и этнография. С. 110–127.
- Митько О. А.* Деревянные огневые приборы из восточно-туркестанской коллекции А. Стейна // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 3: Археология и этнография. С. 133–138.
- Мостиц А. П.* Следы каменного века в долине р. Селенги // Протоколы обыкновенного общего собрания ТКОПОИРГО. 1896. № 1–2. С. 5–17.
- Птицын В. В.* Селенгинская Даурия. Очерки Забайкальского края. СПб.: Экономическая Типо-Литография Б. Вульфова, 1896. 306 с.
- Сальников К. В.* Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск: Обл. гос. изд-во, 1952. 160 с.
- Смотрова В. И.* Погребение с ажурными пластинами на острове Осинском (Братское водохранилище) // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1991. С. 136–143.
- Ташак В. И.* Усть-Кяхта-17 – многослойное поселение на р. Селенге // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1993. С. 47–64.
- Ташак В. И.* Палеолитическое поселение Подзвонкая // Новые палеолитические памятники Забайкалья. Чита, 1996. С. 48–69.
- Ташак В. И.* Датирование верхнепалеолитического поселения Подзвонкая и начало верхнего палеолита на юге Бурятии // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Археология. Этнология. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. С. 25–29.
- Ташак В. И.* Обработка скорлупы яиц страусов в верхнем палеолите Забайкалья // История и культура Востока Азии: Материалы Междунар. науч. конф. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. Т. 2. С. 159–164.
- Ташак В. И.* Очаги палеолитического поселения Подзвонкая как источник по изучению духовной культуры древнего населения Забайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3 (15). С. 70–78.
- Ташак В. И.* Очаг как объект культовой деятельности в позднем палеолите Забайкалья (по археологическим данным) // STRATUM plus. 2011. № 1. С. 303–318.
- Ташак В. И.* Барун-Алан-1: хронология и особенности формирования верхнего палеолита // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. Иркутск: Изд-во «Амтера», 2009а. С. 316–321.
- Ташак В. И.* Стратиграфия и хронология палеолитических памятников горы Хэнгэрэктэ (Западное Забайкалье) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009б. Т. 8, вып. 3: Археология и этнография. С. 53–62.
- Ташак В. И.* Древнейшие свидетельства знакового поведения человека в палеолите Забайкалья // «Homo Eurasicus» у врат искусства. СПб.: Изд-во «Астерион», 2009в. С. 194–200.
- Ташак В. И., Антонова Ю. Е.* Локальная организация пространства как отражение мировоззрения человека в финале верхнего палеолита Забайкалья // «Homo Eurasicus» у врат искусства. СПб.: Изд-во «Астерион», 2009. С. 383–392.
- Bogoraz W.* The Chukchee. Material Culture // The Jesup North Pacific Expedition. Vol. 7. Memoirs of American Museum of Natural History. Leiden: E. J. Brill; N. Y.: G. E. Stechert & Co., 1904. Vol. 11. Pt. 1. 276 p.
- Hough W.* Fire-Making Apparatus in the United States National Museum // Proc. U. S. National Museum. 1928. Vol. 73 (14). 83 p.

Jochelson W. The Koryak // The Jesup North Pacific Expedition Publications. Vol. 6. American Museum of Natural History, New York, Memoir. Leiden: E. J. Brill; N. Y.: G. E. Stechert & Co., 1908. Vol. 10. Pt. 1–2. 842 p.

Jochelson W. The Mythology of the Koryak // American Anthropologist. 1904. Vol. 6. No. 4. P. 413–425.

Материал поступил в редколлегию 15.04.2012

V. I. Tashak, Yu. E. Antonova

**TO THE QUESTION OF FIRE-MAKING AND CULT OF FIRE
IN THE WESTERN TRANSBAIKAL PALEOLITHIC**

The materials of the Early Upper Paleolithic and the transitional period from Middle to Upper on the territory of Western Transbaikal demonstrate significant artifacts belonged to the symbolic activity of the ancient population and allowed to affirm the presence of the difficult system of the cultic ideas. The cult of hearth reported at the ancient settlement Podzvonkaya and the rite of a hearth function's cease associated with it can be considered as one of the most expressive cults. At the same time a number of items – pebbles with roundish bowl-dimple and the traces of ochre – have been found either directly nearby hearths or in peculiar hidings. The description and interpretation of such pebbles are given at this article, according to the ethnographical data these items could be used as bearing blocks for bow drill fire making.

Keywords: Paleolithic, Western Transbaikal, cult of fire, fire making, stone bearing blocks.